

НАУЧПОП

Григорий Тарасевич: Сейчас все хотят образовываться

Редактор научно-популярного журнала — о том, каким он видит нынешнее поколение 20-летних

АНАСТАСИЯ КОЖЕВНИКОВА

Сегмент самообразования заметно вырос за последние несколько лет. Из офлайн это явление перетекает в интернет-пространство. В 2012 году открылся проект онлайн-образования Coursera, создан журнал об истории «Дилетант», а впоследствии на благодатной почве появился проект Arzamas. Развиваются сообщества любителей «вечерних университетов».

В частности, проект «Летняя школа» набирает обороты — 30 мастерских в течение четырёх-пяти недель обучают более тысячи человек. Студенты, школьники, семейные пары едут провести лето в палатках у Волги, а вместе с ними преподаватели — учёные и журналисты. Один из них — Григорий Тарасевич, редактор научно-популярного журнала «Кот Шрёдингера», ранее редактор отдела науки в журнале «Русский репортёр».

Тарасевич похож на тех рассеянных гениев мира науки, с которыми он в силу своей работы общается. Он рассказал, каким видит поколение 20-летних, почему мало общается с ровесниками и как получилось, что тысяча человек каждое лето выбирают не пляжи где-нибудь на Кипре, а лекции в лесу.

— **Насколько давно вы связаны с этим проектом?**

— С момента основания. Сначала, когда это была ещё «Летняя экологическая школа» при МГУ (хотя она была довольно самостоятельной), я туда ездил в качестве завпита и преподавателя. Потом стал одним из директоров «Летней школы». Изначально это был именно школьный проект для старшеклассников, но потом нас посетила идея: а не запустить ли студентов в качестве обучающихся?

— **Как возникла эта идея?**

— Я открывал журналистскую программу и понимал, что школьникам это не очень нужно, она скорее для студентов, потому что там больше дефицитов и потребностей. Так появились первые студенты-журналисты. Потом это как-то начало расплзаться.

Мы уникальный проект, потому что у нас перемешаны направления для школьников и для тех, кто старше 17 лет. Есть и направления, где обучаются люди довольно взрослые — старшекурсники или выпускники. Я курирую мастерскую ШНЖ (школа научной журналистики), там кандидаты наук в разные времена бывали, и сейчас много выпускников, которым по 25–30 лет.

— **Несколько лет назад появилось стойкое ощущение, что таких образовательных проектов становится всё больше и лекции стали «новыми вечеринками». У вас оно есть?**

— Таких проектов становится больше по разным причинам.

Во-первых, в обществе увеличивается ценность образования. Стало модным образование вообще. Такое ощущение есть.

Во-вторых, за последние 10 лет сильно увеличился приём в вузы, но степень интеллектуальной «прокачанности» не выросла, уровень среднего студента стал ниже. Вузы испытывают необходимость более продвинутых студентов отправлять на какие-то мероприятия, потому что хочется из них отбирать более мотивированных. Хотя сейчас большинство летних школ совсем узкотематические или привузовские. Есть и варианты «Селигера», но у них другая цель: либо политическая, либо встретить работодателя. Мы же больше образовательный проект. Должна быть своя «тусовка» и для более мотивированных студентов.

— **Чем занимались такие студенты раньше? В 1990-х, например...**

— У людей были другие интересы, они зарабатывали деньги. Когда мы начинали в конце 1990-х, на нас смотрели как на безумных: волонтерский проект, образование летом...

Сейчас волонтерство — массовое популярное явление во всех сферах, от «Википедии» до помощи инвалидам.

— **В какой момент мысль поехать учиться летом перестала быть дикостью?**

— Это был постепенный процесс. За 10 лет всё стало более популярным и понятным. Мои предположения, почему это произошло, не очень сильно обоснованы. Наверное, маятник качнулся в другую сторону. Я вижу по современной молодёжи, что упала ценность денег.

Плюс отсутствие политической и идеологической жизни в стране. В других странах половина лагерей — партийные с той или иной степенью идеологии. У нас тоже такие есть, но если нужно выбирать между «Летней школой» и, например, летней школой молодых социал-демократов, то куда вы поедете?

Или всё дело в том, что мир быстро меняется и высшее образование слишком консервативно, чтобы следить за новейшими трендами, а мы можем это делать и реализовывать что-то новое гораздо быстрее. Вузам на открытие нового направления нужно пять лет, а нам пять дней.

— **Сейчас поколение 30-летних называют «растерянным», а 20-летних —**

«потерянным». Вы с этим согласны или по-другому их видите?

— «Потерянное»? Я бы не сказал. Вообще, это выражение начали употреблять после Первой мировой войны, Ремарк создал героя «потерянного поколения». Вот 30-летние — да, «потерянные», 40-летние тоже. А что сейчас терять 20-летним? У меня очень мало знакомых моего возраста, с которыми я общаюсь. Мне с ними не очень интересно.

— **Почему?**

— Из них в науке остались единицы, некоторые преподают, остальные ушли в бизнес. О чём с ними говорить? Для многих это своего рода трагедия, они видят, как молодые делают карьеры в науке и искусстве, а они «фирмочки» открывают. Очень много моих ровесников имеют не великий бизнес, а долю в акциях и т. д. Они немного завидуют людям типа меня в том смысле, что у нас более содержательная жизнь, которую они упустили. Это моя гипотеза. Поэтому среди тех, кому сейчас 40–50, есть поток людей, желающих учиться, так они пытаются вернуться в интересную жизнь.

Опять же здесь много людей, которые недовольны рутинным отношением к работе своих коллег. Например, учится девочка-журналистка. Все кругом просто отсиживают пары, работают унылыми пиарщиками, ругают своего шефа, а ей хочется писать великие статьи. Вот таких девочек очень много, за это я ручаюсь.

Почему приезжают молодые учёные учиться журналистике ко мне, этого я не знаю. Сегодняшние 20-летние — очень спокойные люди, без надрыва. Немного страдающие комплексом неполноценности, при этом у них больше идей, больше интереса, они в целом умнее и самостоятельнее.

— **Насколько сеть таких проектов развита в России?**

— Никак. Как отдельные проекты — много. Тульская летняя школа как-то провела форум летних школ. Мы очень мило пообщались, но ни о чём не договорились, потому что договариваться не о чём. Мы самодостаточны, и они самодостаточны.

— **А в других странах?**

— Я мало бываю за границей, потому что ты приходишь на чужой праздник жизни, а в «Летней школе» ты на своём празднике. Вообще любой человек, который приезжает сюда второй раз, чувствует себя своим. Мне хорошо, у меня палатка большая, сын здесь, жена тоже. Дочка оказалась гордой и поехала на летнюю школу в Красноярске, старейшую в России, но их программа рассчитана только на школьников. Эта школа — наша «прабабушка». История такая: от них отпочковалась школа «Химера», от неё ЛЭШ, а от неё мы...

А так почти вся семья на ЛШ, и даже научно-популярный журнал «Кот Шрёдингера» был придуман здесь. Я работал редактором рубрики «Наука» в журнале «Русский репортёр». Как всегда, была проблема с деньгами и прочая фигня. Я заявил, что все нытики, а я гордый и создам свой журнал. Нашёл деньги и сделал.

— **Вы запустились примерно два года назад, чуть раньше открылся исторический журнал «Дилетант», а через год запустился ещё один образовательный проект — Arzamas. Вы попали в некую тенденцию?**

— Это общественный тренд. Сейчас все хотят образовываться. То ли эта тенденция будет набирать обороты, то ли сохранится, то ли случится новая «Болотная» и люди будут думать не об этом...

— **Но пока что все хотят учиться?**

— Сейчас хотят этого, да. А потом перестанут. Это нормально.